

Глава 8. В шаге от цели

Утолив голод у придорожного навеса, путники без промедления продолжили путь. Лишь в самую первую ночь они позволили себе остановиться на почтовой станции — в последующие же дни и ночи мчались без отдыха. Чоу Хуайшэн и Истинный владыка Сюаньцин поочередно правили повозкой, не щадя сил.

С каждым днем Ань Цзыянь чувствовал, как его покидает последнее жизненное тепло. Промежутки бодрствования становились все короче, и большую часть времени он проводил в тяжелом, лихорадочном забытии. Срок, отпущенный Сюаньцином, таял на глазах. Юноша отчаянно пытался бороться со сном, цепляясь за остатки ускользающего сознания — его сковывал подсознательный страх, что, сомкнув веки в очередной раз, он уже никогда не проснется. Однако воля отступала перед недугом: чем сильнее он сопротивлялся, тем глубже проваливался в сонную одурь. Все попытки оставались тщетными. Истинный владыка Сюаньцин лишь сокрушенно качал головой — болезнь наследника оказалась куда более коварной и запущенной, чем он предполагал вначале.

Спустя десять дней изнурительной гонки они наконец добрались до крошечной деревушки у подножия горы Небесного Духа — на несколько дней раньше, чем рассчитывали изначально. В ту же ночь Сюаньцин договорился о ночлеге в доме одного из местных крестьян, чтобы заодно осмотреть Ань Цзыяня и оценить его состояние. Сейчас юноша приходил в себя лишь раз в сутки, но даже тогда его взгляд оставался туманным, а разум почти сразу вновь увязал в сонной трясине. Дела обстояли гораздо хуже, чем старый даос предполагал в самых мрачных прогнозах.

Щедро одарив хозяина дома серебром, Сюаньцин попросил приготовить для них ужин. За все время суматошной дороги они ни разу не ели по-человечески: на людных рынках перехватывали сухие лепешки, а в глухих безлюдных местах пробавлялись лишь тем, что удавалось добыть на охоте в диких лесах.

Пожилая крестьянка, хлопоча у стола, расставила перед гостями простые глиняные миски.

— Не обессудьте, господа, — заговорила она с извиняющимся поклоном. — Живем мы скромно, потчевать вас особо нечем. Вот только жидкая каша, соленья да тушеная дичь — вчера старик мой принес с горы зайца. Угощайтесь, милости просим.

Несмотря на скромные слова хозяйки, ужин выглядел на удивление сытным. На столе исходила паром свежая дичь, сдобренная ароматными горными травами, пахло домашними разносолами. Простая крестьянская стряпня дразнила аппетит не хуже изысканных блюд из городских трактиров. Жители здешних мест сполна пользовались щедростью дикой природы: дичь была нежной и сочной, хоть рисовая каша действительно оказалась жидковатой. Впрочем, ни Сюаньцина, ни Чоу Хуайшэна это не смущало — после долгого пути им важно было просто согреться и набраться сил.

— Благодарим за гостеприимство, матушка, — степенно ответил даос.

Крестьянка, замаявшись на мгновение, нерешительно спросила:

— А где же еще один молодой человек, что приехал вместе с вами?

Она отчетливо помнила, что путников было трое, но за стол сели лишь двое. Излишнее любопытство не подобало простой женщине, однако искреннее радушие здешних жителей взяло верх.

— Он занемог в дороге и сейчас спит, — мягко пояснил Сюаньцин. — Скажите, матушка, не доводилось ли вам слышать, где в этих краях можно отыскать плоды травы драконьей кости? Мне они надобны безотлагательно.

Прежде чем женщина успела ответить, он достал из широкого рукава бережно завернутый сверток и протянул ей:

— И еще одна просьба. Возьмите этот гриб, разотрите его в порошок и сварите с ним пиалу жидкой каши, а после принесите в наши покои.

Крестьянка не понаслышке знала, как выглядят лечебные корни, и сразу признала в подношении редчайший пурпурный линчжи. На сотни обычных черных грибов едва ли приходился один такой самородок, и то если благоволили небеса. А этот экземпляр превосходил своей чистотой все, что ей доводилось видеть ранее. В ту же секунду женщина осознала: перед ней люди непростые, наделенные либо властью, либо несметным богатством. С такими гостями следовало держать ухо востро и угождать им во всем, ведь любая оплошность могла обернуться бедой для ее скромного дома.

— Да-да, почтенный, все сделаю в лучшем виде! Обождите малую малость, — засуетилась она, с величайшей осторожностью принимая бесценный дар. Спрятав его за пазуху, словно хрупкую драгоценность, крестьянка поспешила на кухню.

Оставшись одни, мужчины принялись за еду. Дичь, выросшая в заповедных горных лесах, разительно отличалась вкусом от всего, что они пробовали по пути, хотя, конечно, уступала той чистой, благословенной пище, которой славилась сама гора Небесного Духа.

Вскоре тарелки опустели. Не имея других забот, они прошли в отведенную им спальню. Ань Цзыянь все еще пребывал в забытии. Сюаньцин присел на край теплой лежанки, осторожно выпростал из-под одеяла тонкое запястье юноши и прижал пальцы к его пульсу. Спустя время, равное чарке чая, старый даос бережно уложил руку наследника обратно, поднялся и подошел к стоявшему у окна Чоу Хуайшэну.

— Учитель, как он? — негромко спросил Чоу Хуайшэн, тревожно поглядев на Ань Цзыяня.

Наследник проснулся на рассвете лишь на краткий миг и с тех пор не размыкал глаз. До цели

оставался всего один дневной переход, и Хуайшэн искренне не понимал, зачем наставник велел сделать остановку в этой глуши вместо того, чтобы завершить путь.

Сюаньцин вздохнул, задумавшись.

— Его состояние пока стабильно, насколько это возможно. Но сейчас я хотел бы поговорить о другом. — Старик посмотрел на ученика долгим, пронизательным взглядом. — Хуайшэн, сколько лет ты не видел родных?

Вопрос застал юношу врасплох. Он мысленно отсчитал пролетевшие годы. Пять лет. Ему едва исполнилось тринадцать, когда почтенный даос постучался в их двери с просьбой о ночлеге, а уже наутро мать велела сыну уходить вместе с ним. Лишь много позже Хуайшэн узнал, что та встреча не была случайностью: наставник и его мать знали друг друга в прошлом, и именно она умолила Сюаньцина забрать мальчика.

— Больше пяти лет, — тихо отозвался Хуайшэн. — Время летит слишком быстро.

С того самого дня, как он покинул родной порог, он безвыездно жил на вершине горы Небесного Духа. Если бы не нынешнее поручение учителя, он и сейчас оставался бы в обители.

— Четыре года назад твоя мать с семьей перебралась в эту деревню, — мягко произнес Сюаньцин. — Сейчас они живут на восточной окраине. Не хочешь ли навестить ее?

Даос давно знал о переселении семьи Чоу. Будь обстоятельства иными, они могли бы остановиться у них, но груз былых тайн заставил его выбрать чужой кров.

Хуайшэн покачал головой, даже не задумавшись.

— Нет необходимости. Матушка напутствовала меня: возвращаться лишь тогда, когда свершится месть. До тех пор, пока кровный долг не оплачен, у меня нет права являться пред ее очи, как бы близко мы ни находились.

— Помни, дитя мое, — наставительно произнес Сюаньцин, — ненависть затмевает разум, заставляя ранить невинных. Раз уж ты ступил на стезю Дао, тебе надлежит научиться отпускать земные обиды. Вражда порождает лишь новую вражду, и конец ей наступит лишь тогда, когда кто-то найдет в себе силы разорвать этот порочный круг.

Старый даос искренне сопереживал сыну давней знакомой и страшился, что столь одаренный юноша погубит свою душу на алтаре возмездия.

— Учитель прав, я буду помнить ваши слова, — ответил Хуайшэн, хотя в глубине души понимал: выжечь из сердца укоренившуюся злобу будет непомерно трудно.

Судьба не баловала его. Жизнь с семьей была бедной и непритязательной, но для Хуайшэна простое домашнее тепло и здоровье близких были дороже любых сокровищ мира. Однако покой длился недолго. Его мать страдала от тяжелого душевного недуга: во время приступов безумия она набрасывалась на сына с побоями и в беспамятстве кричала, что он ей не родной. Эти жестокие слова глубоко ранили детское сердце, но, вопреки всему, он всем сердцем любил ту, что вырастила его, ведь в редкие часы просветления она дарила ему бесконечную нежность и заботу.

Хуайшэн налил учителю и себе горячего чая. Он то и дело поглядывал на неподвижную фигуру Ань Цзыяня. Словно вспомнив о чем-то, юноша нерешительно обратился к наставнику:

— Учитель... неужели на свете и впрямь существуют мужчины, способные вынашивать и рожать детей?

До сих пор он полагал, что это удел исключительно женщин. Не отправься он в это путешествие, никогда бы не поверил в подобное чудо, казавшееся ему запредельным, почти противоестественным.

— Мир велик, и чудес в нем не счесть, — наставительно ответил Сюаньцин. — Тот, кто лежит сейчас пред нами, Его Высочество наследник, рожден законным супругом принца-регента, который тоже принадлежит к числу таких мужчин.

— Но ведь говорят, что много лет назад принц-регент взял наложницу, и та тоже подарила ему сына? Как же Ванъе примирился с тем, чтобы передать титул наследника дитяти, рожденному мужчиной? Неужто он не убоился пересудов и насмешек Поднебесной?

Хуайшэн высказал то, что давно не давало ему покоя. В его представлении мужчине предназначалось вершить великие дела, править и сражаться, а не угасать у колыбели. Сама мысль о мужском деторождении казалась ему чем-то неслыханным.

— Разве, побывав в Поместье принца-регента, ты не видел все своими глазами? — Сюаньцин покачал головой. — Принц-регент души не чает в своем супруге, их союз крепок, словно скала. Что для него общее мнение, когда речь заходит о любимом? К тому же Ань Цзыянь — первенец от законного супруга, дитя главной ветви. Пусть здоровье его слабо, но умом он превосходит многих сверстников, начитан и благороден. Наследование титула принадлежит ему по праву рождения. Да и вряд ли во всей Поднебесной сыщется безумец, способный бросить тень на решения принца-регента. Он оберегает покой близких пуще зеницы ока и не потерпит ни единого кривого взгляда. Народ чтит добродетели регента и едва ли станет копаться в делах его семьи. Ты слишком тревожишься о пустяках, мой ученик.

Эти слова заставили Хуайшэна задуматься. Поступки и помыслы тех, кто стоял у кормила власти, всегда оставались для простых смертных неразрешимой загадкой.

— Полагаю, Его Высочеству вскоре время очнуться, — прервал размышления юноши Сюаньцин. — Ступай на кухню, проверь, готов ли целебный отвар, что я просил сварить.

— Слушаюсь, учитель.

Хуайшэн поднялся и вышел из комнаты. Глянув ему вслед, старый даос тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой.

— Круговорот причин и следствий... — едва слышно пробормотал старик. — Да проявят Небеса милосердие.

Через четверть часа Хуайшэн вернулся, неся в руках исходящую паром пиалу. Пурпурный линчжи, стертый в тончайшую пудру, наполнил простую рисовую кашу тонким, ни на что не похожим ароматом. Этот чудесный гриб Сюаньцин когда-то лично отыскал на склонах горы Небесного Духа. Тогда они росли парой — большой и поменьше. Меньший старик отдал на нужды больного, а больший приберег, обронив загадочную фразу о том, что в будущем тот сослужит великую службу. Хуайшэну те слова показались странными — разве столь редкое сокровище не ценно само по себе в любой момент? Однако спорить с наставником он не стал, зная его привычку изъясняться туманными намеками вроде привычного «придет срок — сам все поймешь».

Едва Хуайшэн переступил порог, Ань Цзыянь слабо пошевелился и открыл глаза.

— Мы... уже на месте? — Его голос звучал едва различимо. Лихорадка истощила тело, а из-за того, что за весь день у него маковой росинки во рту не было, юноша казался совсем изможденным и безжизненным.

— Мы у самого подножия горы Небесного Духа, остановились на ночлег у добрых людей, — мягко ответил Хуайшэн. — Завтра снимемся с места пораньше и к закату будем в обители. Ты проспал весь день, тебе нужно подкрепиться. Ну же, попробуй сделать хотя бы глоток.

Он бережно приподнял юношу, усаживая так, чтобы тот мог опереться плечом о его грудь, и поднес к бледным губам ложку с теплой кашей.

Едва целебный отвар коснулся языка, Ань Цзыянь ощутил странный вкус — не тот терпкий привкус обычного лечебного снадобья, к которому он привык во дворе, а нечто мягкое, неуловимо сладковатое. Он не знал, что эта просто выглядящая каша сварена на редчайшем пурпурном линчжи, чьи свойства и аромат превосходили любые земные аналоги.

Когда пиала опустела, Хуайшэн принес из кухни бадью с теплой водой. Наследник был слишком слаб, чтобы выдержать полноценное купание, поэтому приходилось обходиться простым обтиранием. Не успел Хуайшэн закончить, как Цзыянь вновь провалился в глубокий сон. Бережно уложив его на мягкие подушки, юноша укрыл его тяжелым одеялом до самого подбородка. Здешние места славились суровыми ветрами, а сквозь щели старого бревенчатого дома нещадно сквозило, поэтому Хуайшэн выпросил у хозяев жаровню с древесным углем и поставил ее у постели больного, чтобы тепло не покидало комнату до утра.

Закончив с хлопотами, он огляделся и заметил, что учителя нигде нет. «Должно быть, ушел проводить своих знакомых», — безучастно подумал юноша. Растелив на полу простую соломенную циновку, он улегся прямо у постели Цзяня и, утомленный долгой дорогой, мгновенно заснул.

<http://bllate.org/book/18341/1779340>